

SOFT-POWER КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТМОДЕРНЫХ РЕАЛИЯХ

Стовпець О.В., Одеський національний морський університет

Принимая во внимание длительную и богатую историю в области концептуализации власти и конфуцианское наследие, начало развития стратегий и тактик «мягкой силы» (Nye J. soft-power) в Китае было лишь вопросом времени. Однако здесь стоит учитывать и то, что традиционная культура Китая, насыщающая своими ценностями официальную идеологию, имеет свою специфику и нередко предстаёт элементом консервативным, и даже фактором стагнации. Более того, следует брать в расчёт авторитарную опеку властей КНР над сферой СМИ и минимальный процент распространения влияния при помощи негосударственных организаций, что препятствует эффективному наращиванию «мягкой силы» государства.

Soft-power китайской культурной политики заключается, прежде всего, в стремлении к повсеместному культурному присутствию. Именно с этой целью и учреждаются в разных уголках земного шара Институты и «классы» Конфуция – международная сеть культурно-образовательных центров, создаваемых Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом. По состоянию на конец 2010 года в мире уже действовало 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах мира [Лю Яньдун. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция. 2011. № 1. С. 10]. Это при том,

что первый Институт Конфуция был учреждён не так уж давно, в 2004 (в Сеуле). По последним оценкам, на начало 2018 года Китай обеспечил своё постоянное культурное присутствие в 142 странах и регионах мира, в которых совместно действуют 516 институтов Конфуция и 1076 классов Конфуция, с общим количеством слушателей около 7 млн. человек. В самом Китае действуют порядка 1800 школ Конфуция [Zhou Xin. NEWS.cn Xinhua.net, 2018-03-15. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/15/c_137041573.htm].

Надо признать, что далеко не везде появление Институтов Конфуция однозначно приветствуется. В некоторых государствах эти китайские структуры воспринимаются как плацдарм для идеологической пропаганды и потенциальный инструмент политического вмешательства. К. Браун, профессор китайской политики в Сиднейском университете, акцентирует внимание на том факте, что концепция Института Конфуция ориентирована на патриархальные, иерархические и консервативные ценности, что в общем-то не очень совместимо с либеральными стандартами образовательной политики [Kerry Brown. The case for eliminating Confucius from China's Confucius Institutes // South China Morning Post, 2 June 2014].

Тем не менее, упомянутая культурно-образовательная структура выполняет свою миссию – содействовать глобальной популяризации китайских духовных ценностей, сделать Китай более понятным и менее пугающим для остального мира, мягко лоббировать китайские интересы повсеместно. В рамках конфуцианского мышления моральное лидерство также является частью «мягкой силы». Эта концепция явно находит отклик в китайской традиции. Основу парадигмы китайской системы государственного управления составляет конфуцианство. Несмотря на свою иерархичность, конфуцианская парадигма выстроена на принципах этичности. От правителя ожидают морального превосходства, принятия мудрых решений для поддержания безопасности и процветания государства. До тех пор пока правитель и его действия соответствуют критериям морали, он считается достойным «мандата неба» и всеобъемлющей поддержки своих подданных. Если же он отклоняется от моральных норм, то считается, что он более недостоин небесного покровительства и теряет право на обладание «мандатом» [Chan J. Democracy and Meritocracy: Toward a Confucian Perspective // Journal of Chinese Philosophy. 2007. Vol. 34, № 2. P. 179].

Далее следует вопрос о степени включённости Китая в постмодерную реальность.

Если говорить о таких признаках постмодерна, как децентрализация, деидеологизация, размывание национально-государственного суверенитета, чрезмерный индивидуализм, то сегодня мы не видим достаточных оснований говорить о смене современной парадигмы на постмодерную в Китае. Причин тому две – конфуцианство и марксизм. Действительно, в экономической сфере Китай сделал скачок в направлении постиндустриальной формации (что приближает китайское общество к «постмодерности»). При Ху Цзиньтао, в первом десятилетии нынешнего века, продолжалось укрепление статуса Китая как экономической сверхдержавы. Внутриполитический курс Ху Цзиньтао имел две главные составляющие: продолжение реформ в экономике и сохранение традиционной политики Компартии Китая в общественной сфере. Экономическая либерализация сочеталась с достаточно жёстким социальным контролем, цензурой и пресечением любых угроз власти Компартии. Большое внимание Ху Цзиньтао уделял ограничениям принципа свободы информации в Интернете, был инициатором активной фильтрации интернет-контента, противоречащего официальной китайской идеологии.

Этот курс получил продолжение с приходом в 2013 году к власти в Китае Си Цзиньпина. Он даже несколько ужесточил ограничения в отношении гражданского общества и усилил идеологическое давление, выступая за интернет-цензуру в Китае как концепцию «сетевого суверенитета». В то же время, Си Цзиньпин принял во внимание успешный опыт своих предшественников. Если Ху Цзиньтао концепцию «социалистического гармоничного общества» дополнил концепцией научного развития (основываясь на достижениях Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя), то Си Цзиньпин принял на вооружение концепцию «комплексной мощи государства».

Упомянутая концепция, разработанная китайским научным сообществом, внесла немалый вклад в развитие дискурса теории «мягкой силы». Она возникла в процессе адаптации известной теории Д. Ная. В работе «Теория комплексной мощи государства» Хуан Шофэн заявляет, что комплексная мощь эта состоит из «жёсткой силы», «мягкой силы» и координирующей силы государства. Последнее (через социально-политические структуры) получает рычаги для более прагматичного использования «мягкой силы» [Callahan W., Varabantseva E. *China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2011. P. 231].

Почему мы считаем, что модерн с явной очевидностью доминирует над постмодерном в жизни сегодняшнего Китая?

Китай (как и другие ключевые страны Азии) переживает подъём национального самосознания. Отодвинув марксизм на второй план, гражданский национализм (не этнический) фактически интегрировался в государственную политику Китая. Не случайно Си Цзиньпин провозгласил «великое возрождение китайской нации» в качестве основного лозунга своего правления. Апелляция к идее «великой нации» – характерный признак мировоззрения эпохи модерна, в которую и состоялась концептуализация «национального государства». Как известно, пик строительства системы суверенных наций наблюдался в довоенной Европе конца XIX – начала XX вв. По мнению некоторых исследователей, сегодня именно азиатские страны в наибольшей степени близки к т.н. вестфальскому типу государства [Alagappa M. Constructing Security Order in Asia // Asian Security Order: Instrumental and Normative Features. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 87]. Отсюда и соответствующие метанарративы.

Желая уменьшить влияние глобализации на китайское общество и притормозить его структурные изменения, китайское руководство во главе с Си Цзиньпином разработало теорию «китайской мечты» [Xi Jinping and the Chinese dream // The Economist, May 4th 2013. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21577070-vision-chinas-new-president-should-serve-his-people-not-nationalist-state-xi-jinping>]. Концепция «китайской мечты» – социокультурный, политико-идеологический и социально-экономический гибрид. Она вобрала в себя как черты индивидуализма (в стремлении поощрять частное индивидуальное предпринимательство), так и провозгласила коллективные идеалы «большой китайской семьи» во имя достижения больших общих целей. Фактически «китайская мечта» направлена на этико-идеологическое обоснование дальнейшего экономического роста Китая, и весьма далека от либеральных идеалов и стандартов «американской мечты». Следовательно, и трактовать понятия индивидуализма и гражданского общества в Китае необходимо с учётом китайской специфики. Эпоха постмодерна, которая, вполне вероятно, начнётся для Китая в будущем, покажет остальному миру «постмодерн с китайской спецификой». Не исключено, что он будет весьма отличаться от его западных эталонов.